

П.Г. Архангельский

**Очерки по истории
земельного строя России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Г. Архангельский**
Очерки по истории земельного строя России / П.Г. Архангельский – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 327 с.

ISBN 978-5-4241-5803-2

Историческая библиотека.
П.Г. Архангельский, профессор Казанского Университета.
Очерки по истории земельного строя России.

ISBN 978-5-4241-5803-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ АВТОРА.

В основе предлагаемой читателю книги лежит курс общедоступных публичных лекций, читанных автором весной 1917 года в Казанском Университете и затем повторенных на учительских курсах в разных уездных городах Казанской и Симбирской губерний. Лекции эти были, затем переработаны в специальный курс истории аграрных отношений в России, читанный в 1918—1919 академическом году студентам Историко-Филологического Факультета.

Имея в виду цели научной популяризации и не претендуя особенно на оригинальность, автор опустил историографию и критический аппарат, а также устранил, по возможности, все ссылки на источники и пособия, которыми он пользовался. Только в самых необходимых случаях упоминаются имена ученых, особенно — статистиков и экономистов, к компетентному мнению которых автору приходилось обращаться в запутанных и спорных вопросах новейшей аграрной эволюции России.

Казань, Август 1920 года.

ВВЕДЕНИЕ.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ СТРОЙ РОССИИ.

Земельным строем называются порядки, по которым люди владеют, распоряжаются и пользуются землею. Хотя между этими порядками в разных государствах и у разных народов можно заметить немало сходства, однако есть в земельных порядках много особенного, чем земельный строй одного государства и народа отличается в настоящее время от земельного строя других государств и народов. В одних государствах земля собрана во владении немногих крупных собственников, в других—она распределяется небольшими клочками в среде мелких сельских хозяев, в третьих—большая часть ее находится во владении казны и т. п. Точно также—в одних государствах владельцы земли имеют над нею полную самодержавную власть, в других—власть эта стеснена законами и пр. Если так различны земельные порядки в наше время, то тем более различались они друг от друга в старину, сотни лет тому назад, когда и государственное устройство и народная жизнь были своеобразнее и самобытнее.

В России земельные порядки также сложились не сразу; немало перемен произошло в них прежде, чем они стали такими, какие мы застали в наше время. Каковы были эти перемены в русских земельных порядках из старины, когда и почему они происходили и какое значение имели для жизни народа—все эти вопросы и составляют содержание истории земельного строя в России. Но прежде чем приступить к чтению этой истории бросим беглый взгляд на русские земельные порядки нашего времени, на те земельные порядки, какие застала у нас революция 1917 года.

Прежде всего Россия уже и тогда была таким государством, где земля на две трети оказывалась не в полной само-

державной власти отдельных частных лиц, но в частной собственности, а в обладании различных общественных учреждений. Во первых, из 400 миллионов десятин земли (приблизительно), находящейся в Европейской России, свыше трети принадлежало казне, т. е. государству; распоряжение этой землей находилось в руках правительства, которое часть земли пользовалось само в казенных интересах, часть же предоставляло в пользование крестьянам и др. лицам и учреждениям за плату.

Если к этой казенной земле прибавить все земли, находившиеся во владении царского рода, городов, церквей, монастырей и казачьих войск, то окажется, что около $\frac{2}{3}$ (38%) земель Европейской России были во власти таких учреждений, которые должны были бы иметь в виду не выгоду частных людей, а общую пользу. Конечно, на деле, обыкновенно, бывало как раз наоборот, но это было уже скорее злоупотребление, чем законный порядок.

Кому же принадлежали остальные $\frac{1}{3}$ земель Европейской России до революции?

Больше всего было у нас земель, находившихся в доде у крестьянских обществ: им принадлежало 139 м. д. или 85% (больше $\frac{1}{2}$) всех земель.

Наконец, последнее место в земельном складе дореволюционной России занимали земли частных собственников—отдельных лиц и их компаний. Они занимали в общей сложности немного более 100 миллионов десятин, что составляло около $\frac{1}{4}$ всей земельной площади Европейской России, включая Польшу и Прибалтийский край. А если эти окраины, земельный строй которых совсем не был похож на русский, исключить из подсчета, то доля частной собственности в земельном запасе России еще более понизится.

Таким образом, частная собственность занимала довольно скромное место в русском земельном строе перед революцией. Уже и тогда земля в главной своей части принадлежала государству, т. е. народу, управляемому одной общей властью: наряду с государством и сам народ непосредственно, в лице сельских обществ—подворных и общинных, держал много земли у себя в наделах. Следовательно, через правительство и сель-

ские общества русский народ владел почти $\frac{3}{4}$ всей земельной площади в Европейской России, а в Азиатской — в Сибири и Закаспийском крае — почти безраздельно всею землей. Такова самая важная отличительная особенность нашего русского земельного строя — преобладание общественного землевладения над частным, перевес ограниченной волею государства или общества земельной власти над самодержавием собственника.

Присмотримся, однако, поближе к дореволюционным земельным порядкам, чтобы выяснить лучше особенности каждого из трех главных укладов: государственного, наделного и частного землевладения.

Что касается государственных земель, то порядок пользования и распоряжения ими зависел всецело от правительства. Стало быть, если оно распорядилось ими плохо и не в интересах народа, это значило только, что правительство было чуждо народу и его следовало переменить. Самое же владение землею через государство для народа хорошо и может быть сохранено и после революции. Но обилие казенных земель в России не должно вводить читателя в заблуждение, ибо среди казенных земель было очень много лесов и неудобных для хлебопашества мест; пахотных же земель, наоборот, было мало. Из 188-ми миллионов десятин казенных земель не менее 107 милл. дес. находились под лесом.

Надельными землями назывались те, которые были отведены бывшим помещичьим крестьянам правительством при отмене крепостного права, а государственным и удельным крестьянам при устройстве их быта в 60-х годах прошлого века. Земли эти были первоначально отведены крестьянам в надел, т. е. в постоянное и бессрочное пользование за определенные повинности в пользу помещиков и за подати и оброки в пользу казны. Потом эти земли были переведены на обязательный выкуп и должны были в конце концов перейти в собственность сельских обществ или отдельных крестьянских дворов. Но правительство до самого последнего времени следило за употреблением этих земель, наблюдая, чтобы земли эти служили для обеспечения крестьянского хозяйства и поддерживали его силу, как плафельщик податей. Этим наделные земли отличались, как от государственных (казенных), так и

от частных, собственных. Кроме того, огромное большинство наделных земель (до 1906 года—100 милл. дес. или 70%) находилось в общинном землевладении, остальные же—в подворном. Какая-же разница между общинным и подворным наделным владением землей?

В случае общинного или мирского землевладения земля принадлежит не отдельному человеку или семье, а миру, т. е. обществу крестьян, и принадлежит на особых условиях. Именно, высшее право распоряжения и пользования мирской землей находится в руках всего мира, сюда крестьян, членов сельского общества (общины), которое не может только одного: нарушать равенство прав каждого члена общества на землю. Раз крестьянин состоит членом сельского общества и несет все повинности наряду с другими до общей разверстки, то и землей он должен пользоваться не больше и не меньше, чем все другие. В этом самая отличительная черта общинного землевладения по сравнению с другими земельными порядками. Что же касается переделов земли, то они могут быть или не быть—это зависит от самого мира. Было время, когда переделов в общине еще не было, хотя земля и принадлежала уже миру; и потом было не мало общин без переделов; возможно себе представить и такую общину, где вся земля обрабатывалась-бы сообща, а переделался лишь урожай. От этих разных способов осуществления равного права на землю всех общинников земельный склад общины не потерпит никакого изменения.

Подворное-же землевладение отличается от общинного тем, что здесь пахотная земля находится в бессрочном и постоянном владении отдельных крестьянских семей, но между этими семьями нет и полного разрыва связи: у них есть общие угодья, напр., выгоны, луга, леса, рыбные ловли и пр. Сохраняется меж ними и хозяйственная связь в виде общего принудительного севооборота. Таким образом, подворное сельское общество напоминает собою мертвую общину, уравнивательный механизм которой давно уж испортился и не действует.

Как ни отличны друг от друга оба вида наделного владения землей—общинное и подворное, между ними есть не-

мале и сходства. Главное сходство заключается в том, что и то и другое землевладение представляет собою такой земельный склад, который отвечает нуждам трудового населения и продовольственного хозяйства. Как общинник, так и подворник, являются в одно и то же время и хозяином и работником, и земля для них служит не средством жизни от чужого труда, а способом добывания куска насущного хлеба собственным своим горбом. Что это действительно так, видно из размеров надела: в среднем, по подсчету 1905 года, на двор приходилось по $9\frac{1}{2}$ десятин, т. е. около $1\frac{1}{2}$ дес. на душу обоего пола. Но это—в среднем; в действительности же почти половина крестьянских дворов имела менее 8 дес. на каждый двор; другие $\frac{2}{5}$ (39%) дворов владели каждый наделами от 8 до 20 д. и лишь $\frac{1}{10}$ дворов имели от 20 до 50 дес. надела. Так как при трехпольном севообороте хозяйства до 50 дес. обходится своими семейными силами и не обращаются к найму рабочих со стороны, то выходит, что 98% или почти все наделные дворы следует считать настоящими трудовыми хозяйствами, а наделные земли, которыми они владеют, надо считать служащими непосредственно трудовому народу для его пропитания и поддержки его хозяйства.

Совсем другим складом отличается землевладение частное, бывшее в России до революции. А именно, в 1905 году из 100 миллионов десятин частных земель свыше половины (52%) находилось в руках дворян, да $\frac{1}{5}$ —у купцов и мещан; крестьянам же принадлежало не более $\frac{1}{4}$ частных земель. Стало бы, уже самое это распределение частных земель по сословиям показывает, что $\frac{3}{4}$ этих земель собраны в руках не земледельцев, преимущественно—в нетрудовых классах. Еще больше этот нетрудовой, барский склад частного землевладения в России выясняется тогда, когда помотришь, сколько земель имеют отдельные собственники. Оказывается, свыше $\frac{2}{10}$ всей частной земли находилось в собственности очень немногих лиц, из которых каждый владел более чем 200 дес. Что же касается мелких частных землевладельцев, которых можно было бы считать трудовыми земледельцами, то, хотя их и довольно много, но у всех у них было не более 7% всей земли, находившейся в частной собственности. Следовательно,

частное землевладение, отдававшее землю в полную самодержавную власть ее собственникам, было нетрудовым складом земельных порядков, таким складом, который служил средством обогащения нетрудящихся классов за счет рабочего люда. Собственник, владевший самодержавно сотнями десятин, не имел, ни нужды, ни возможности лично трудиться над обработкой земли. Таким образом, здесь происходил разрыв связи работника с землей: тот, кто был частным землевладельцем, обычно, не был земледельцем; а земледелец, работавший на чужой частной земле, не был ее хозяином.

Но этого мало. Внутренняя несообразность старого, дореволюционного русского земельного строя заключалась не только в отделении землевладения от земледелия, а еще и в том, что этот самый склад земельных порядков не соответствовал складу сельского хозяйства нашего народа. Россия, по своему земельному строю, являлась смесью трудовых и нетрудовых земельных порядков. На ряду с надельным землевладением мы видели здесь и крупнейшее частное землевладение.

А между тем та же Россия—страна, в которой все сельское хозяйство состоит из миллионов мелких, трудовых крестьянских хозяйств. Вычислено, что не менее $\frac{1}{4}$ земель нетрудовых частных землевладельцев занимает крестьянами для своего хозяйства. Оказывается, что $\frac{9}{10}$ засеваемой в России земли находится в крестьянских хозяйствах, которые производят вместе $\frac{9}{10}$ всего русского хлеба.

Таким образом, частная крупная нетрудовая собственность врезывалась клином в народное хозяйство и не сообразовалась несколько с его общим трудовым и крестьянским складом.

Вот каков был наш дореволюционный земельный строй. Теперь мы и обратимся к истории, чтобы узнать откуда пошли у нас в России такие земельные порядки и как народ жил целые века, терпя барский и налаживая крестьянский земельный строй.

Глава первая.

САМЫЕ СТАРИННЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ И НАЧАЛО ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.

Как мы только что сказали, земельные порядки могут быть и действительно бывают разные: трудовые и нетрудовые, крестьянские и барские. У нас в России накануне революции жили бок о бок и те и другие земельные порядки.

Теперь мы и посмотрим, откуда взялись у нас в России различные порядки владения землей: как началась и почему укрепилась у нас частная собственность на землю? Какими способами собралась эта земля в руках нетрудящихся людей, которые сами не пахут, не сеют, не жнут. Равным образом интересно нам дойти до понимания и того, откуда и как появились трудовые, крестьянские земельные порядки: когда и как сложился и окреп крестьянский мир? Как в его распоряжении оказалась земля и какие порядки он на ней установил? Попутно с этим выясним мы и начало казенного землевладения, проследим шаг за шагом, как скопчилась земля в руках казны и как этой землей распоряжалось в разные времена русское правительство.

Прежде всего займемся вопросом о том, почему и как началась в России борьба за землю?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо перенестись мыслью в седую старину, за многие сотни лет назад, к тем стародавним временам, когда на Руси жилали еще наши прадеды и прабабушки.

Было время и на нашей родине, когда еще не было между нашими предками борьбы за землю, не было потому, что земли тогда было очень много, а людей очень мало. Каждый край в свое время переживал такое земельное приволье; один край заселялся нашими предками раньше, другой позже, один три века тому назад, другой—пять веков, третий и того больше. Поэтому и пора земельного приволья миновала в различных концах России в разное время. В низовьях Волги еще какихнибудь 1¹/₂—2 века тому назад земли было во много раз больше, чем требовалось для немногих земледельцев, а в теперешней Московской и соседних с нею срединных губерниях пора безграничного земельного приволья миновала уже по крайней мере семь, а пожалуй и 8 веков тому назад. Раньше

всего наши прадеды начали занимать земли по течению Дняпра и его притоков, а затем перебрались на Оку и верхнюю Волгу, на Дон. Позже всего стало заводится русское земледелие в Сибири и потому дольше других краев сохранилось здесь земельное приволье.

Когда-бы, впрочем, ни переживал тот или иной край эту пору земельного простора, земельные порядки в те времена были везде очень похожи друг на друга. Главное в них то, что между поселенцами еще не начиналась борьба за землю. На самом деле: зачем было им враждовать между собой из-за земли, когда земли было больше, чем требовалось, когда было еще сколько угодно вольной, ничьей земли? Всякий мог занять такую землю, не отнимая у другого занятого уже ни клочка земли... Везде вокруг него был, можно сказать, непопечатый благодатный край, почти нетронутой рукой человека. На десятки верст тянулись дикие степи, степной стояли дремучие леса, полные дичи и зверей. В реках и озерах водилось множество рыб. Приходя впервые в это дикое приволье, наши прадеды в одних местах встречали полное безлюдье, в других — небольшие и слабые племена инородцев — финнов: мордвы, мещеряков, мери, веси и др., всех тех, кого тогда называли „чудью белоглазой“. Эти инородцы занимались больше охотой и звероловством, чем земледелием: с этого же начинали и наши предки, первые поселенцы из славян в теперешней России. Но годы шли, народу становилось все больше и больше, местами уже делалось и тесновато жить лесными промыслами. Понемигую начинал народ садиться на землю, браться за хлебопашество.

Земли кругом первого пахаря было еще вдоволь: папи любое место, селись, где глянется, ни у кого не спрашивая разрешения. Так и делали в пору земельного приволья наши прадеды, первые русские пахаря. Они занимали вольную землю, сколько было им надо, пахали, косили, хозяйствовались, сколько брала их трудовая сила. Земля считалась занятой, если на ней положены чьи либо „метки“: пахотную землю метили, опахавая ее кругом; семеновос — закашивали, деревья в лесу зачерчивали. Все место, „куда соха, коса и топор ходили“, считалось трудовым владением семьи первого „займщика“ — поселенца. На эту землю, хотя она раньше него и была вольная, ничья, первый пахарь смотрел уже как на свое трудовое